

Tsyrfya Iuliia*Ph.D. in Political Science**Associate Professor of the Chair of International Regional Studies**Institute of International Relations**of Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine***FORMATION OF THE FOREIGN POLICY IDENTITY OF THE US:
THE ROLE OF MILITARY NARRATIVES****Цырфа Юлія***кандидат политических наук**доцент кафедры международного регионоведения**Институт международных отношений Киевского национального университета**имени Тараса Шевченко, Украина***ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ США:
РОЛЬ ВОЕННЫХ НАРРАТИВОВ**

Summary. The formation of the US foreign policy identity is analyzed in terms of the impact of military narratives on the construction of this social and political phenomenon. Not only authorities, but also individuals involved in military campaigns are found to produce individual narratives, while influencing the formation of the identity of society. In this case, the authorities try to involve such discourses into a single state ideology by using separate symbols and norms. Taking into account the importance of symbolic interactionism to build the collective identity of the population, the state can add individual military symbols to its own ideology, while turning them into integral attributes of the public life. However, such a policy of forming the foreign policy identity of the state may fail in the event of unsuccessful military actions that, therefore, would require new transformations of the phenomenon being under study.

Резюме. Осуществлен анализ формирования внешнеполитической идентичности США с точки зрения влияния военных нарративов на становление данного социально-политического конструкта. Выявлено, что не только власть, но и отдельные индивиды, причастные к военным кампаниям, способны продуцировать отдельные нарративы, одновременно влияя на формирование идентичности социума. В таком случае власть пытается привратить эти дискурсы в часть единой государственной идеологии, используя отдельные символы и нормы. Пользуясь значимостью символического интеракционизма для выстраивания коллективной идентичности населения, государство может добавлять к собственной идеологии отдельные военные символы, превращая их в неотъемлемые атрибуты общественной жизни. Однако такая политика по формированию внешнеполитической идентичности государства может оказаться провальной в случае неудачного хода военных действий, что, следовательно, потребует новых трансформаций исследуемого феномена.

Keywords: foreign policy identity, state, US, narrative, society, military actions, Iraq War.

Ключевые слова: внешнеполитическая идентичность, государство, США, нарратив, социум, военные действия, война в Ираке.

Постановка проблемы. Учитывая универсальность, убедительность существования и комплексность национальной идентичности, возникающей за счет абстрактных мультиуровневых условий ее конструирования, большинство исследователей постмодерных международных отношений до сих пор считают ее гораздо более мощной и долговечной, чем другие разновидности коллективных идентичностей [11, с. 175]. Более того, сегодня национальная идентичность имеет особое значение для граждан отдельных государств. Но, по мнению В. Бисли, ни в одной стране Европы не проживает столько разных групп людей, которые считают себя частью единого демоса, как в США: при этом, только в Соединенных Штатах противоречия, скрытые в недрах этого единства, являются настолько выраженными и очевидными [1, с. 24]. По данным

социологических исследований, в 2014 году 67% опрошенных в стране респондентов отметили, что «быть американцем – важнейший аспект их жизни», а не менее 90% лиц назвали свое отношение к США очень патриотическим или отчасти патриотическим [13, с. 2625].

По сути, американцы апеллируют к своей национальной идентичности со времен Войны за независимость США (1775-1783 годы). Однако, не имея собственных исторических корней и доминирующего этноса, Соединенные Штаты лишены национальных признаков, а потому идентичность населения этого государства может считаться типичным примером социально-политического единения, базирующегося на общих принципах, среди которых «индивидуализм, понимание необходимости тяжелой работы и готовность к ней, вера в верховенство права,

свобода и равенство» [4, с. 846]. Среди других американских ценностей можно назвать наличие возможностей развития для всех граждан и ограниченное вмешательство власти в их частную жизнь, республиканский дух, этнокультурализм и корпоративизм [4, с. 858-859]. От американцев, в свою очередь, чиновники ожидают выработки чувства любви к своей стране и покорного, солидарного отношения к действиям власти. В свое время Ф. Рузвельт назвал это явление «американизмом», который считал «делом ума и сердца», а не результатом расовой принадлежности и исторической преемственности: по его мнению, быть хорошим американцем означает лояльно относиться к своему государству, а также к его свободе и демократии [10, с. 37].

Задачи исследования. Поскольку в настоящее время можно говорить не о национальной, а о внешнеполитической идентичности США, ключевой задачей нашей статьи является анализ данного типа идентичности и определение ее ключевых маркеров для этого государства, в частности, роли и значения военных нарративов в процессе ее конструирования.

Методика исследования. В ходе своего исследования автор использовал историко-теоретический анализ, направленный на выявление методологических принципов и логических связей между основными понятиями нарративного подхода; сравнительный метод; критический анализ; и синтез.

Основные результаты исследования. Сегодня нельзя не отметить тот факт, что идеологическая составляющая внешнеполитической идентичности США является очень мощной: человек даже может не называть себя американцем, если не признает определенных ценностей этой страны, однако остается им. Такая ситуация абсолютно невозможна, например, в Великобритании или Швеции, ведь идентичности европейских государств, в отличие от внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов, тесно связаны с их территориями, а не с какими-то «идеологическими обязательствами». То есть американец – это человек, который, оставив все древние предрассудки и манеры, обновляет их формы за счет нового образа жизни, который им воспринимается, действий власти, которым он подчиняется, и тому рангу, который он получает [6, с. 18].

В. Бисли выделяет четыре ключевые характеристики внешнеполитической идентичности США:

1) наличие американской миссии – задачи, которая возложена на Соединенные Штаты Богом для построения рая среди диких земель, ведь американский народ избран Богом;

2) жажда США к расширению их территории, которое озаглавлено судьбой;

3) наличие американской идеи (равенство, свобода, права человека и согласие населения с действиями власти);

4) американский дух, сложившийся на основе сочетания религиозных верований, научной и секулярной рациональности, идеализма и перфекционизма, равенства, самоуверенности, толерантности к многообразию и внешнего конформизма [1, с. 26-36].

Конечно, сейчас все еще существуют определенные препятствия на пути к полному внедрению этих идей в жизнь: проблема разнообразия, экономические перепады, недостаток равенства возможностей и вызовы общества постмодерна, возникающие вследствие постепенной эрозии связей человека современного типа с представителями традиционных сообществ, являются и причиной, и следствием экстенсивной социальной мобильности, индивидуализации, анонимности и распространения исключительно меркантильных общественных отношений [1, с. 38-40]. Однако после террористических атак 11 сентября 2001 года на США руководство этого государства стремилось показать населению свою «идейность», призывая граждан к устранению имеющихся общественных различий за счет утверждения ряда взглядов, определенных на уровне всей страны [1, с. 150]. Уже в первые недели после упомянутых событий 2001 года лидеры американского политикума начали публично подчеркивать исключительную мощь ценностей Соединенных Штатов и американцев как таковых. Их деятельность была направлена на усиление коллективной идентичности населения, ведь именно оно могло обеспечить легитимизацию внешнеполитической идентичности государства, будучи монолитным социумом, который развивается на основе прочной привязанности к единой политической общности.

После сентябрьских событий 2001 года потенциальная угроза террористических атак на США действительно превратилась в абстрактную опасность для их населения. Охваченные чувством незащищенности, люди возлагали надежды на Президента для получения морального облегчения после этих событий. Существование неизвестной и непредсказуемой угрозы терроризма заставляло людей принимать их релятивную идентичность с целью формирования чувства принадлежности и защищенности. Война в Ираке (2003-2011 годы) стала идеальной ситуацией для созерцания процессов конструирования и реформирования внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов по политическим мотивам перед лицом «невидимой» угрозы терроризма.

Поэтому можно утверждать, что с начала XXI века процесс формирования внешнеполитической идентичности США опирался на:

1) утверждение американских ценностей и идеалов, основанных на «мифологизации» индивидуализма, свободы и равенства;

2) подтверждение международной мощи и доминирования США за счет обновления восприятия населением своего государства в

качестве сверхдержавы, которое формировалось веками;

3) акцентирование на необходимости единения американцев вокруг идеологической и расовой проблематики – вопросов, созвучных властной риторике по установлению единства в многообразии;

4) снятие вины за террористические атаки 11 сентября 2001 года с США и параллельное подчеркивание единения других государств мира в рамках антитеррористической кампании в поддержку действий официального Вашингтона, то есть позиционирование Соединенных Штатов в роли своеобразного морального лидера на глобальном уровне;

5) демократизацию «врага», ставшую основой для представления уже известного дискурса на тему добра и зла, который достаточно эффективно применялся американскими властями во время «холодной войны».

Так, во время войны в Ираке власти США постоянно манипулировали общественным мнением. Высокоставленные чиновники задавались вопросом определения идеального гражданина и так называемой «американской манеры поведения». Сущность миссии Вооруженных Сил США в Ираке была частично неизвестна простым солдатам. Следовательно, только анализ содержания сообщений и документов представителей политических и военных элит позволял определять дальнейший ход военных действий. Администрации президентов Дж. Буша-младшего и Б. Обамы поощряли идентификацию американцев с единой группой – населением Соединенных Штатов. Распространение такого ориентирования вызвало сомнения относительно предыдущих и вновь сконструированных «Я» отдельных членов социума, а также скептические настроения относительно единого «Мы»-ощущения американцев. Те из них, которые с недоверием относились к политике власти, часто считались «плохими американцами» или даже «предателями» и, следовательно, вынуждены были возвращаться к нарративам национальной идентичности. Хотя, вследствие социального смущения, нестабильности и противоречий, которые возникали в обществе, чаще всего имея этническую или религиозную природу, вопрос коллективной идентичности населения США и, соответственно, внешнеполитической идентификации этого государства также подвергался сомнению [1, с. 17-18].

Несмотря на то, что устные и письменные, формальные и неформальные нарративы политических лидеров играли решающую роль во время трансформации внешнеполитической идентичности США, значение индивидуальных попыток определения этого феномена также нельзя игнорировать. Поскольку индивидуальные нарративы продуцируются в гораздо больших количествах, часто считаясь «политически

нейтральными» и, следовательно, даже аутентичными, общество может обращаться к ним, несмотря на то, что некоторые из таких дискурсов являются по своей сути «контрнарративами» по отношению к официальным политическим лозунгам [5, с. 79].

Авторы таких нарративов пытаются привлечь внимание широких слоев населения к актуальным событиям современности; избежав недоразумений, оправдать или, наоборот, раскритиковать индивидуальные или коллективные действия власти; осветить события, которые замалчивались или известны незначительному количеству лиц; выявить определенные поступки, достижения, препятствия, существующие на пути развития государства и тому подобное. Эти субъекты пытаются приобщиться к социальной жизни, чтобы иметь возможность «взаимодействовать с историей», возглавить отдельное общественное движение/течение или даже стать родоначальниками собственной идеологии. По окончании войны в Ираке к таким лицам часто принадлежали именно американские военные, чей опыт боевых действий позволял им рассказать о том, что война делает с людьми и какова цель этих людей во время вооруженных конфликтов. Освещение индивидуальных нарративов стало для них важным атрибутом самореализации и формирования самосознания. То есть они получили существенное основание для того, чтобы отбросить нежелательные для них идентичности, заявить о конструировании новых тождеств или объявить о наличии сформированных индивидуальных идентичностей.

Нарративы, связанные с войной в Ираке, создали в американском обществе культурное пространство, в пределах которого могут наблюдаться процессы конструирования идентичности людей с различным военным опытом. Иногда в таком культурном пространстве национальная идентичность может доминировать над прописанными «Я»; авторы индивидуальных нарративов могут обращаться к собственному внутреннему миру, артикулируя сущность травм, полученных во время военных действий, для самоисцеления; отдельные лица определяют влияние изменений в ходе военных действий на практический процесс формирования коллективной идентичности, одновременно игнорируя такое влияние за счет представления новых дефиниций индивидуальных и коллективных «Я». Однако цели авторов индивидуальных нарративов, связанных с войной в Ираке, были гораздо сложнее, чем задачи по освещению военных действий в прошлом. Конструирование индивидуальных «Я» в рамках нарратива осложнялось, поскольку существующая внешнеполитическая идентичность США (которая утверждается за счет многочисленных персональных идентичностей) способствовала транснационализации военных действий, содержание которых, к тому же, испытывало

существенное влияние информационных потоков и коммуникативной активности на международном уровне.

Следовательно, в начале XXI века категории «американец», «не американец», «патриот», «предатель», «враг», «союзник», «хороший парень» или «плохой парень» не имели фиксированного качественного наполнения. Определения каждого термина постоянно менялись. Так называемая объективная истина, которая представлялась властными структурами, потенциально могла измениться в любое время на основе новых задекларированных дискурсов. Каждый человек мог быть отнесен к любой из вышеуказанных категорий. Власти США не только контролировали процесс формирования общественной идентичности, но и устраняли влияние отдельных индивидуальных идентичностей, которое могло иметь определенные деструктивные последствия для внешнеполитической идентичности государства. Американские лидеры говорили о погибших во время военных действий как о центральном символе внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов (к тому же, совершенно не связанном с противоречивыми ценностями классов, этносов, религий или регионов), с помощью которого можно было представить пример человека, который хочет служить своему государству и даже способен умереть за него.

Стоит отметить, что так называемый этносимволизм, который отражал все ужасы и потери военных действий, был присущ американской политической жизни еще раньше. Так, по окончании Первой мировой войны американцы чествовали «неизвестного солдата», который был убит во время очередной битвы на территории Франции. Похоронив неопознанное тело в определенной могиле на территории Арлингтонского национального кладбища в знак почтения всех погибших солдат, власти США пытались таким образом выразить военным признательность от имени всех американцев; посмертно вручить им награды; посвятить стихи и панегирики. Благодаря таким действиям должностных лиц в глазах рядовых граждан среднестатистический солдат приобретал статус «уникального американца», который оставался за пределами расовых, религиозных, классовых или региональных противоречий, отстаивая идентичность всего государства. Такие важные политические и военные фигуры как Президент В. Гардинг или Генерал Дж. Першинг чествовали неизвестного солдата за его мужество, жертвенность и преданность американскому народу: как результат, тысячи граждан приходили к его могиле, чтобы выразить уважение подвигам всех военных, а его образ превратился в пример для подражания, успешно укоренившись в традиционном мировосприятии населения [8, с. 154-165].

В принципе, подобная ситуация является ярким примером символического интеракционизма. По убеждению В. Парилло, символическое взаимодействие объединяет определенные символы и дефиниции, которые применяются людьми во время налаживания коммуникации между ними [7, с. 12]. Поскольку на территории США распространено универсальное понимание правил использования, например, национального флага, общеизвестным является тот факт, что он должен развеиваться на флагштоке в любое время, кроме чрезвычайных ситуаций, которые могут быть источником опасности для жизни людей или их имущества. Следовательно, в случае нарушения данных предписаний отдельный индивид может вмешаться в процесс социального конструирования реальности других лиц. В состоянии замешательства эти люди часто могут действовать компрометирующим их образом: кто бы не решил спустить флаг с флагштока, его/ее действия будут противоречить существующим в обществе нормам и, следовательно, привлечение этого чрезвычайно мощного символа будет восприниматься исключительно в качестве политического акта, который, к тому же, является крайне непатриотичным. Понимая специфику концепта символических интеракций, люди опасаются действовать подобным образом, ведь все социальные знания, которые они получали ранее, могут быть использованы с помощью методов, которые не имеют никакого значения для становления их «Я».

Используя ситемный подход, Г. Блумер рассматривал символический интеракционизм как особый определенный характер взаимодействия, которое имеет место между человеческими существами. Специфика такого взаимодействия заключается в том, что люди интерпретируют действия своих визави или «дают оценку» их поступкам вместо того, чтобы всего-навсего реагировать на деяния друг друга. «Ответы» одних лиц на определенные действия других не формируются спонтанно, а базируются на значениях, которые они приписывают данным действиям. Соответственно, своеобразным «медиатором» межличностных интеракций всегда выступают символы, трактовки, убеждения и значения, приписываемые обществом определенным поступкам. Сущность подобной медиации эквивалентна привлечению процесса интерпретации в промежутке между определением стимула и предоставлением адекватного ответа на поведение определенного человека [2, с. 180].

Символический интеракционизм, таким образом, основывается на идее о том, что идентичность как отдельный феномен – это социальный конструкт. Индивиды могут сотрудничать или конфликтовать друг с другом; быть толерантными или равнодушными друг к другу; иногда подчиняться жестким правилам во время своих взаимодействий; или участвовать в «свободном проявлении» многозначных

характеров [2, с. 54]. Интеракции происходят не только между отдельными индивидами и социумом: люди также взаимодействуют с их собственными «Я».

Для того, чтобы понять динамику формирования идентичности групп, символический интеракционизм рассматривает «Я» отдельных индивидов и общество в целом в качестве «продуктов» символической коммуникации. В этом контексте презюмируется, что люди обладают способностью к мышлению, которая выстраивается на основе социальных взаимодействий. Они изучают значение и символы благодаря общественным интеракциям и способны изменять их при других обстоятельствах, то есть взаимодействуя с новыми для них людьми [2, с. 2]. Общие символы – объекты (включая «Я» отдельных индивидов), которые имеют единственное значение для всех участников группы, – это ключ к возникновению коллективной идентичности. Значение объекта определяет его природу. К тому же, это значение не может считаться *a priori* присущим объекту, поскольку возникает на основе первичной готовности индивида совершить определенные действия по отношению к этому объекту. То есть оно определяет сущность действий лица касательно данного объекта [2, с. 68-69].

Значения, которые приписываются объектам, могут меняться со временем. Поэтому для того, чтобы понять группу людей, следует знать ценность и значения, которые приписываются ее объектам [2, с. 69]. С целью налаживания эффективных внутргрупповых интеракций нужно перманентно осмысливать и переосмысливать видения группы, формирующиеся относительно индивидов как отдельных объектов, и трансформировать определенные действия с тем, чтобы они соответствовали нормам и символическим образцам поведения, имеющимся в рамках данной группы.

Итак, если кто-то пытается определить «идеальную» идентичность группы, он/она, делая это, может замалчивать или преуменьшать значимость отдельных действий, фактов и мотивов для того, чтобы удостовериться, что именно он/она действительно является идеальным членом этой группы. Даже в случаях, когда определенный адресат не принимает индивидуальной идентичности, которая приписывается ему социумом, отдельный адресант может убедить других в наличии этой идентичности: как результат, отношение общества к данному адресату меняется. Например, даже если американцы, которые критически относились к войне в Ираке, не считали себя «предателями» своего народа, после того как Президент Дж. Буш-младший заявил, что все, кто не поддерживает действия власти, автоматически становятся союзниками террористов [9], некоторые граждане США стали воспринимать оппозиционно настроенных к

действиям чиновников лиц как предателей, которые помогают террористам и способствуют их деятельности.

Адресанты влияют на трансформацию процессов привлечения отдельных индивидов к политической и социальной жизни страны и исключения из нее других [12, с. 97]. Их нарративы, однако, могут быть манипулятивными по своей сути или, наоборот, являться продуктом других манипуляций. По мнению Э. Смита, социальное конструирование также может участвовать в традиционных процессах формирования идентичности общества, базирующихся на манипулировании сознанием [11, с. 111]. Можно утверждать, что в таких случаях источником манипуляций становятся значимые «Другие», а лица, которые являются объектами их манипуляций, могут даже не догадываться о том факте, что их социальные «Я» были сформированы не в результате независимого, сознательного выбора. Манипулятивные практики используются для регулирования социального поведения, поскольку несоответствие последнего с выработанными в обществе канонами влечет за собой определенный вид наказания для отдельных индивидов. С точки зрения И. Гоффмана, большинство членов определенной группы (например, населения страны) пытаются прилагать усилия, чтобы избежать такого наказания. Используя театральное представление в качестве метафоры, он пытается проанализировать презентацию отдельных «Я» индивидов перед значимыми для них «Другими». В процессе такого «представления» лицо, которое не выполняет условий неформального соглашения по поддержанию своей идентичности как члена определенного коллектива, критикуется другими членами этого коллектива, которые в конечном итоге лишают его членства в нем во избежание подобной ситуации в будущем, ведь это напрямую угрожает идентичности сообщества [3, с. 51]. Как следствие, чтобы избежать критики или обвинений в свой адрес, члены социума приобщаются к определенным «совместным действиям» этой группы и, следовательно, поддерживают ее идентичность.

Выводы. Таким образом, получая определенную субъектную позицию в обществе и поддерживая его идентичность, индивид начинает исповедовать и определенную государственную идеологию, вырабатываемую с помощью нарративов власти. Американские чиновники, которые определяют и изменяют сущность внешнеполитической идентичности США с целью создания общественной атмосферы, в которой все их внешнеполитические шаги могут быть реализованы на практике, часто обращаются к военным как к субъектам для насаждения их идеологии. Именно они, имея существенный авторитет в рамках социума, могут распространять данную идеологию среди населения, поднимая рейтинги власти и, следовательно, обеспечивая

поддержку внешнеполитической идентичности государства. Хотя, будучи часто выигрышной, данная стратегия иногда может давать сбой, как это произошло во время войны во Вьетнаме (1965-1973 годы). Следовательно, военные могут быть субъектами ретрансляции властных нарративов только в течение короткого периода времени. Особенно, если военная кампания, которую ведет государство, оказалась неудачной.

Список литературы:

1. Beasley V. *You, the People: Presidential Rhetoric and American National Identity*. College Station, TX: Texas A&M University Press; 2004.
2. Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. New Jersey: Prentice-Hall, Inc.; 1969.
3. Goffman E. *The Presentation of Life in Everyday Life*. New York: Anchor Books; 1959.
4. *Handbook of Identity Theory and Research* // Ed. by S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. New York: Springer; 2011.
5. Hogan J. *Gender, Race and National Identity: Nations of Flesh and Blood*. New York: Routledge; 2009.
6. Lipset S. M. *American Exceptionalism: A Double-Edged Sword*. New York: W. W. Norton; 1996.
7. Parillo V. N. *Understanding Race and Ethnic Relations*. Boston: Pearson; 2008.
8. Piehler G. K. *Remembering War the American Way*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press; 1995.
9. President Bush's Address to a Joint Session of Congress and the Nation / *The Washington Post*; 20 September 2001. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/nation/specials/attacked/transcripts/bushaddress_092001.html
10. Schlesinger A. M. *The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society*. New York: Norton; 1993.
11. Smith A. D. *National Identity*. London: Penguin Books; 1991.
12. Smith S., Watson J. *Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives*. Minnesota: University of Minnesota Press; 2001.
13. Smith T. W. *General Social Surveys, 1972-2018: Cumulative Codebook*. Chicago: National Opinion Research Center; 2019.